

МИННЕСОТО-ТЕХАССКИЙ ПРОЕКТ ИССЛЕДОВАНИЙ УСЫНОВЛЕНИЯ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

© 2013 г. Д. И. Осина*, М. П. Рекунчак**

* Аспирант, Омский государственный педагогический университет, Омск;
e-mail: Osina.D@mail.ru

** Исследователь, Омск;
e-mail: M.Rekunchak@gmail.com

Анализируется Миннесото-Техасский проект исследований усыновления: его история в контексте становления практик замещающей заботы в США; исследовательский дизайн; основные результаты, сформулированные для приёмных детей и подростков, кровных матерей и приёмных родителей, а также применительно к отношениям внутри сетей приёмного родства. Основные понятия проекта обсуждены и соотнесены с отечественной терминологией.

Ключевые слова: практики замещающей заботы, конфиденциальность/открытость приёма (усыновления), сеть приёмного родства, приёмные родители, кровные родители, приёмная идентичность.

Современной отечественной литературе, посвящённой осмыслению жизни детей, живущих в некровных семьях, на наш взгляд, недостаёт постановки новых вопросов и новых точек зрения, с позиций которых можно было бы оценить, например, то, насколько глубоко исследована данная область, что осталось вне поля рассмотрения, почему так случилось и что с этим можно сделать. Парадоксально, но в нашей стране, “лидирующей” по количеству социальных сирот, практически отсутствуют масштабные государственные исследования сиротства, которые бы становились основополагающими как для государственной, так и для региональной политики в этой области или хотя бы принимались во внимание.

Настоящий обзор посвящён зарубежным исследовательским проектам и, как нам кажется, достаточно смелым и неоднозначным социально-психологическим экспериментам и практикам организации приёмных семей, нуждающимся в понимании, основании и обосновании своей психологической, социально-этической и государственной правомочности.

Различных проектов лонгитюдных исследований усыновления было достаточно много (их началом можно считать 1876 г., когда было проведено исследование Ф. Гальтона): крупнейшие из них (по количеству участников) были проведены в Европе, особенно в Дании и Швеции. Можно упомянуть, в частности, лонгитюдное шведское исследование возрастных изменений у приёмных

близнецов (*The Swedish Adoption/Twin Study of Aging*, лидер проекта – Нэнси Пэдерсон), начатое в 1984 г. и пережившее в 2005 г. уже 6-ю волну исследований. Также упомянем значительно более раннее Датское исследование усыновления (*Danish Adoption Study*) 1924–1947 гг., в котором приняло участие почти 5.5 тыс. приёмных детей. Ещё одним глобальным, на этот раз американским, исследованием стал Колорадский проект усыновления, который продолжается уже более 3.5 десятилетий, имеющий специфические цели и задачи, в большей степени связанные с проблемами генетики поведения, нежели с изучением практики усыновления, в котором сравнивались приёмные и кровные семьи (выступающие в качестве контрольной группы). Отметим, что научная и социокультурная направленность такого рода проектов развивается от изучения (например, с помощью близнецовых исследований) физических и физиологических особенностей развития лиц, принятых на воспитание в семью, по сравнению с теми, кто принадлежал этой семье по праву рождения, от исследований психических аномалий и заболеваний (как, например, в *Danish Adoption Study of Schizophrenia*, проведённом в 1960-е гг.), проблем соотношения роли “природы”, “среды” и “воспитания” в становлении человека к рассмотрению собственно социокультурных и психологических форм “бытия в мире” принятых в некровную семью людей, а также к разрешению практически-ориентирован-

ных вопросов, связанных с социальным и психологическим устройством их жизнедеятельности и коммуникаций (как внутри приёмных семей, так в более широком социальном окружении), основанном на обнаружении, понимании и учёте их так называемых “лучших интересов”. Именно таким является ещё один американский, положенный в основание настоящего обзора, Миннесото-Техасский проект исследований усыновления (*The Minnesota / Texas Adoption Research Project – MTARP*), посвящённый исключительно приёмным семьям¹ и ставший обновлением и развитием практики замещающей заботы, т.е. собственно принятия в семью ребёнка от других родителей. Целью данной работы стало рассмотрение истории становления, основных результатов и последствий указанного проекта, а также проведение работы по согласованию и обнаружению различий в концептуальных аппаратах, используемых в зарубежном проекте и отечественных исследованиях².

ПОНЯТИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ УКОРЕНЁННОСТЬ ПРАКТИК ЗАМЕЩАЮЩЕЙ ЗАБОТЫ В США

Существуют определенные отличия в установлении и понимании практик усыновления в отечественном дискурсе и так называемого *adoption* в зарубежных исследованиях. Последний термин включает в себя процесс/социальные практики “приёма”, принятия ребёнка из кровной семьи в приёмную, что подразумевает перенос родительской ответственности за него, а также “создание новой родственной сети, которая навсегда свяжет эти две семьи через ребёнка, являющегося для них общим” [52, с. 11]. Созданная сеть отличается коммуникативной и структурной открытостью [17; 45, с. 3–5]. Некоторые авторы при затруднениях в переводе пользуются калькой и называют этот процесс “адопция”. Мы предпочли (в целях большего “узнавания”) использовать в переводе названия “*MTARP*” слово “усыновление”, хотя считаем, что необходимость в смене терминологии уже назрела. Обновление концептуального аппарата может привести не только к изменению описаний, но и стать сменой отношений и практик социального конструирования и оценивания

данной темы среди исследователей, а также различных русскоязычных сообществ, поскольку её современное состояние и дискурсы, в рамках которых она обсуждается, на наш взгляд, в значительной степени ограничивают, дискриминируют и даже исключают институт принятия ребёнка, процессы, его обеспечивающие, и основных его субъектов/участников из нормального социального функционирования. В частности, в отечественных дискурсах и обсуждениях акцент делается на “типах” детей и типах семей (например, усыновлённые и приёмные дети; сироты; замещающая и патронатная семья), а не на процессе принятия (как это принято за рубежом), которому уделяется значительно меньше внимания, из-за чего дети и подростки стигматизируются. В зарубежных исследованиях “усыновлённость” или “приёмность” как таковые акцентируются значительно меньше, и рассматриваются лишь как параметры шкалы “открытость/закрытость” факта и процесса “принятия” ребёнка. Некоторое изменение профессионального языка в данной области намечается в работах В.Н. Ослон, которая предлагает говорить о практике *замещающей заботы*, выделяя в ней: институциональное *воспитание*, непрофессиональную семейную заботу (опеку), а также различные формы профессиональной семейной заботы (приёмная семья, патронатная семья и семейная воспитательная группа) [4, с. 5]. Если понятие воспитания в отечественной традиции достаточно прочно утвердилось и разработано, то понятие заботы обогащается важными смысловыми содержаниями из немецкой (М. Хайдеггер) и французской философии (А. Камю). Согласно М. Хайдеггеру, человеческое бытие в своей целостности, как экзистенциальное присутствие человека в мире, должно быть осмыслено как забота (или, иными словами – оно приобретает смысл в заботе как в “присутствии ради чего”), которая, в частности, помогает другим стать свободными; человек же есть то, чем он занят, озабочен, а люди есть то, о чем они заботятся в бытии/присутствии друг-с-другом [5]; в заботе человек отыскивает себе место, находит пристанище, в котором и обретает (осмысленное) бытие [7]. Кроме того, представляется интересным и экзистенциально наполненным используемое В.Н. Ослон понятие *жизнеустройства* детей-сирот, хотя оно и явно значительно шире по содержанию, чем забота или практика “приёма”, но по сути именно к нему и должны стремиться последние. Таким образом, найдены достаточно содержательные и перспективные термины для осмысления области практик “приёма” в целом, но пока не для конкретных форм замещающей заботы.

¹ Точнее даже – расширенным приёмным семьям – сетям приёмного родства, о чём см. подробнее ниже.

² В обоснование такой обзорно-аналитической постановки цели мы хотели бы высказать, что именно обзор проекта и контекстуализация используемых в нём понятий – первый, важнейший этап, без которого, как нам представляется, невозможно осмысленное критическое обсуждение результатов и многочисленных последствий проекта.

В целях прояснения обратимся к ещё одному понятию, отличному от используемых в русскоязычном осмыслении практик замещающей заботы, и, как показывает направленность Миннесото-Техасского проекта исследований усыновления, имеющему для него большое значение. Проект фокусируется на последствиях различных вариантов открытости механизмов усыновления для всех членов *сети приёмного родства* (усыновившей родственной сети) (*adoptive kinship network*), т.е. для *кровных матерей, родителей-усыновителей, приёмных детей и для отношений в этих семейных системах*. Конструкт “сеть приёмного родства” может быть соотнесен с получившим широкое распространение в отечественных работах понятием расширенной семьи, однако между ними есть разница. Понятие расширенной семьи нередко относится, во-первых, к совместно живущим и совместно ведущим хозяйство *родственникам* из различных поколений; во-вторых, это понятие рассматривается в социальных науках как исторически более ранняя фаза развития института семьи, характерная преимущественно для так называемых доиндустриальных, традиционных обществ. Как крайний случай расширенной семьи могут рассматриваться сообщества людей, не объединённых родственными отношениями, но в силу определения себя как относящихся к некому социальному целому, а также высокой степени солидарности, включающие и “не родственников”. Таким образом, расширенная семья – это определённый способ говорить и переживать, прежде всего, и вместе с тем проводить для себя и других людей границу социального “свойства”, общности. Понятие “сеть приёмного родства”, не отягощённое дополнительными коннотациями, в этом контексте означает несколько иной способ говорить и проводить такого рода границу; оно устанавливает в качестве границы семьи не “расширение”, а прежде всего сеть, что подразумевает иное распределение и управление позициями и отношениями, в том числе властными.

С середины 1970-х гг. практика усыновления в США кардинально изменилась. Как писали в 2000-м году сотрудники центра исследований усыновлений университета Массачусетса, за последнюю четверть века американское общество стало разнообразнее. В нем появились и отстаивают себя в качестве нормальных различные виды семей: семьи с двумя родителями и семьи с родителем-одиночкой, семьи, в которых отец с матерью разведены, семьи с неродным родительством, появившемся в результате повторного брака (где, как правило, появляются отчимы, мачехи, сводные братья и сёстры и т.д.), смешанные се-

мьи, межрасовые семьи, международные семьи, семьи геев и лесбиянок, семьи, в которых старики (бабушки и дедушки) продолжают родительство над взрослыми детьми, семьи, сформированные через суррогатное материнство, и семьи, сформированные через использование различных видов помогающих репродуктивных технологий. Такое разнообразие позволяет приёмным родителям помочь своим детям понять, что *принятие/замещающая забота (усыновление, удочерение, опека, попечительство и др.) – это просто один из многих нормальных способов, с помощью которых создаются семьи* как в Америке, так и по всему миру. Это помогает принимающим родителям, учителям и кровным родителям, которые могут играть важную роль в жизни приёмных детей, быть лучше понятыми и принятыми [8, с. 17]. Изменения в практике усыновления в США коснулись и конфиденциальности этого процесса: поддерживаемая ранее конфиденциальность перестала быть нормой и появилась тенденция к открытости в усыновлении, когда контакт между приёмной семьёй и кровными родителями происходит непосредственно либо опосредованно (например, через агентство по усыновлению).

Движение к открытости в усыновлении было обусловлено в США исторически. К началу Второй Мировой войны нормой в опосредованных усыновлениях стало то, что приёмный ребёнок юридически “перерождается”, становясь формально “ребёнком новой (приёмной) семьи с новой идентичностью и новым свидетельством о рождении, точно так же, как если бы он родился” в этой семье [14, с. 321]. Такое регулирование было установлено, так как считалось, что оно служит “для защиты ребёнка и приёмных родителей от вторжения членов кровной семьи и для позволения кровным родителям выстраивать свою новую жизнь свободной от стигмы незаконного рождения” [27, с. 168]. Однако уже в 1955 г. в США была проведена Национальная конференция по замещающему уходу (т.н. *Child Welfare League*), которая ознаменовала собой появление ориентации на “лучшие интересы ребёнка” [62, с. 654]. Движение к открытости началось с частных агентств по усыновлению. С увеличением количества движений в защиту прав человека, усилением надёжности контрацепции и аборт, уменьшением стигматизации родительства вне брака и большим распространением в обществе различий в семейных структурах кровные родители оказались в более благожелательной и принимающе настроенной по отношению к ним среде. Это позволило им больше говорить о своих чувствах печали и потери, от которых они не могли избавиться после размещения

детей в приёмных семьях и которые появлялись вследствие защиты тайны усыновления. Стали чаще прислушиваться к тем людям, которые сами были усыновлены и говорили о том, что им необходимы их “корни” и чувство семейной идентичности. Желая родить эффективнее, приёмные родители стали всё чаще требовать, чтобы им предоставили возможность заполнить разрыв в знании о кровных семьях своих приёмных детей, создаваемый секретностью усыновления и практиками удаления всяческой информации об этом [27, с. 168; 45, с. 7].

Ситуация к началу *MTARP* была такой: некоторые специалисты утверждали, что полностью открытое усыновление должно быть стандартной практикой, а сохранение тайны усыновления вредно для всех участвующих сторон. Различные варианты открытости усыновления рассматривались как возможность “помочь кровным родителям чувствовать меньше боли и вины”, а продвижение замещающей заботы – как альтернатива аборту и кровному родительству. Все эти варианты уменьшали и облегчали страхи и сомнения приёмных родителей, а усыновленным обеспечивали чувство биологической и генетической связи и непрерывности. Защитники открытых усыновлений конца 1980-х гг. отмечали, что “знание своего прошлого – это базовая человеческая потребность, и могут возникнуть эмоциональные проблемы, когда в ней отказывают” [20, 55]. Таким образом, различные возможности открытости в замещающей заботе делали социальную практику открытого усыновления более “гуманной” [27, с. 169]. Другие специалисты утверждали, что открытость усыновления является непроверенной и потенциально, а также реально вредной практикой, которая не является альтернативой для хорошо зарекомендовавшей себя практики конфиденциальных усыновлений. Для разрешения противоречий, вызванных столкновением этих позиций, был создан проект *MTARP*, призванный ответить на основные вопросы о динамике сети приёмного родства, которая происходит в практике замещающего ухода, осуществляемого с различной степенью конфиденциальности.

ИСТОРИЯ И ДИЗАЙН ПРОЕКТА ИССЛЕДОВАНИЙ

Проект *MTARP* стартовал осенью 1984 года, когда преподобный Кальвин Гёрдель, вице-президент по социальным услугам лютеранской социальной службы Техаса, предложил Р.Дж. Макрой и Г. Гротеванту оценить изменения, произведенные учреждениями его службы в своей практике

усыновления. Потенциальным приёмным родителям и кровным матерям были предложены различные варианты отношений, в том числе возможность встретиться друг с другом до или во время процедуры размещения ребенка в приёмной семье и иметь постоянный контакт после его помещения в приёмной семье. 17 приёмных семей и членов кровных семей были опрошены с мая по сентябрь 1985 года. Результаты этого *пилотного исследования* были опубликованы [47].

Данные экспериментального исследования были использованы в национальном проекте, куда вовлекались семьи с различным уровнем открытости в механизме усыновления. Каждая семья, участвовавшая в этом исследовательском проекте, усыновила младенцев (средний возраст – 4 недели) [30; 45, с. 11] в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Приёмные семьи и кровные матери были отобраны для исследования через 35 агентств, расположенных на территории 23-х штатов США. Таким образом, данное исследование можно считать национальным американским исследованием усыновления.

В *первой волне проекта*, данные по результатам которой собирались в 1987–1992 гг., приняли участие 720 детей от 4 до 12 лет (более подробное описание выборок всех этапов исследования представлено в Приложении). Подавляющее большинство приёмных родителей было образованными белыми европейцами, протестантами, из среднего и высшего экономического класса (доход свыше 50 тыс. долларов), средний возраст которых составлял 40 лет. Все участвовавшие пары репрезентативно представляли семьи, обычно участвующие в практике официальных усыновлений детей. Практически все они усыновили детей по причине *бесплодия*, а кровные матери отдали своих детей на усыновление *добровольно*, т.к. хотели для них лучшего будущего [45, с. 14, 17]. Почти 2/3 кровных матерей к моменту отказа от детей были подростками. Их доходы были в диапазоне от 0 до 50 тыс. долларов в год. Модальный доход (наиболее часто встречающийся среди исследуемой выборки) составлял 20–29 тыс. долларов в год. Половина кровных матерей на момент исследования были замужем и воспитывали от одного до пяти детей.

Приёмные семьи проходили интервьюирование на дому, в течение одной сессии, которая длилась 3–4 часа. Сессия включала интервью отдельно с каждым родителем и приёмным ребёнком; заполнение нескольких опросников, а также совместное интервью с парой приёмных родителей. Приёмных матерей опрашивали на дому, в агентстве

по усыновлению или по телефону. Они также заполнили несколько опросников. Краткие выводы по результатам первой волны проекта были опубликованы [32].

Из-за большого интереса к результатам усыновления было профинансировано проведение *второй волны проекта*. Данные собирались с 1996 по 2001 гг., целевой группой были подростки и молодые люди в возрасте от 11 до 20 лет. Приёмные семьи на этом этапе также интервьюировали на дому в течение одной сессии, которая обычно занимала 4–5 часов и включала в себя индивидуальные интервью с каждым из родителей и с приёмным ребёнком, заполнение нескольких опросников и выполнение семьёй задачи на взаимодействие. Некоторых членов семьи интервьюировали по телефону, если было невозможно заставить их с семьёй дома (например, живущие за пределами США, подростки в колледже и т.п.).

Третья волна исследовательского проекта проводилась с 2005 по 2008 гг. Маленькие дети, которые участвовали в исследовании в 1980-х годах, стали взрослыми: среди них были те, кто женились/вышли замуж, завели детей, окончили колледж, стали работать – то есть пошли различными путями во взрослой жизни. Юных взрослых³ попросили указать человека, с которым

они имели самые близкие отношения в детстве, а затем расспрашивали об отношениях с ним и возможности пригласить его для участия в исследовании.

На этом этапе исследования с приёмными юными взрослыми и их близкими по отношениям партнёрами проводили интервью и просили заполнить опросники онлайн через специальный сайт. Интервьюеры договаривались по телефону и электронной почте перед первым интервью о встрече с участниками в защищённом онлайн-чате. Большинство интервью приёмных юных взрослых проводилось в течение 2–3 сессий. После завершения всех сессий интервью участники заполняли опросники, при этом каждый следующий опросник становился доступным после заполнения предыдущего. Каждый из приёмных родителей отдельно давал интервью по телефону и заполнял бумажные опросники. Близкие по семейным отношениям партнёры приёмных юных взрослых давали только одно интервью, большинство из которых состояло из одной сессии, и заполняли три опросника. Только во время этого этапа исследования участники получали денежное вознаграждение за участие в исследовании.

Важность третьей волны исследования состоит в том, что она даёт возможность посмотреть, как многолетний опыт жизни в семье с различными механизмами/настройками/композициями усыновления создал основу для развития приёмных детей и подростков во взрослых людей, а также определить, что такое “лучшие интересы ребёнка”, ради реализации которых и создаются приёмные семьи.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОЕКТА ИССЛЕДОВАНИЙ

Миннесото-Техасский проект исследований усыновления был создан, чтобы *содействовать пониманию отношений и результатов развития детей в сетях приёмного родства с различной степенью открытости контакта между кровными родственниками и членами приёмных семей*. Хотя многое известно о традиционных семейных средах, которые помогают сделать процесс взросления детей здоровым, ещё недостаточно разработано адекватное научное понимание основных процессов в сложных семьях, включающих приёмные и кровные семьи, и то, как они связаны с психологическими и социальными последствиями усыновления для приёмных детей. Исследование приёмных и кровных семей оказалось очень важным для американского общества, потому

³ Юные взрослые – это понятие, отсылающее к возрасту *нарастающей взрослости (emerging adulthood)*, в последнее время усиленно дискутируемое в зарубежной литературе. Ряд авторов выделяет его в качестве отдельного периода развития, располагающегося между подростковым возрастом и взрослостью [11] (приблизительно – с окончания подросткового возраста до середины-конца третьего десятилетия жизни человека). Уникальность этой фазы развития, если рассматривать её с точки зрения семейных отношений, состоит в том, что в это время молодые люди устанавливают, создают и укрепляют “независимость от своих семейных основ и в то же время стремятся поддерживать сильные семейные узы” [10]. Переход в этот возраст, ознаменованный такими событиями, как уход из дома, поступление и обучение в университете, и/или работа “может в значительной мере стимулировать изменения в родительско-детских ролях и взаимодействиях” [9]. Этот возраст всё чаще определяется как следствие значимых социальных изменений в США и многих других индустриальных странах, где с 1960-х до середины 1990-х значительно вырос средний возраст вступления в брак и определения своего места жительства. Во время этого возрастного периода юные взрослые заняты изучением возможных направлений построения собственной жизни, экспериментированием с различными романтическими партнёрами, а также видами профессиональной деятельности и взглядами на мир [11, 12]. Важной задачей этого возрастного периода является “реструктуризация родительско-детских взаимоотношений таким образом, чтобы была достигнута независимость в структуре продолжающихся связей с родителями” [43; 50, с. 1–2, 15, 17]. В отечественной традиции этот возраст в какой-то мере может быть соотнесён с юностью.

что усыновление касается жизни многих людей: почти 2/3 американцев имеют личный опыт с усыновлением в своей собственной семье или в семьях близких друзей.

Результаты проекта позволили сформулировать выводы об отношениях внутри сетей приёмного родства, а также о последствиях проекта для усыновлённых детей и подростков, кровных матерей и приёмных родителей.

1. Отношения внутри сетей приёмного родства. *А. Композиции открытости усыновления*⁴. В начале исследования авторы проекта при определении феномена открытости, основываясь на существующей литературе и обсуждениях с сотрудниками агентств по усыновлению, рассматривали *три уровня открытости усыновлений: конфиденциальный (или закрытый), опосредованный (или полуоткрытый, косвенный – непрямая открытость) и полностью открытый*⁵ [47]. Во время первой волны исследования выборка семей разделилась на три приблизительно равные группы по уровню открытости. В скором времени было обнаружено, что этот критерий разделения не в полной мере отражает опыт участников проекта. Существуют различия в интенсивности контактов (частота контактов, их личный характер), типе контактов (например, письмо, подарок, телефонный звонок, посещение и др.), удовлетворении, испытываемом участниками от контактов (более подробный анализ этих факторов см., например, в: [15; 23]). Кроме того, лонгитюдное исследование внесло дополнительные различия, так как на разных этапах исследования в приёмных семьях иногда менялся уровень открытости.

Б. Детская включённость в открытость усыновления. Результаты сравнения родительских и детских отчётов об открытости усыновлений по материалам первой волны исследования показали наличие существенных различий между механизмом, существующим в общении между кровными и приёмными родителями и включением последними приёмных детей в коммуникацию. Почти половина детей во время усыновления усилиями своих приёмных родителей была исключена из контакта с кровными родителями, при этом

большинство детей не знали, что это исключение контактов производилось приёмными родителями. Большинству детей из полностью открытых усыновлений позволяли встречаться с кровными родителями, и они были осведомлены о композиции открытости усыновления [32].

В первой волне исследования большая часть контактов между приёмными и кровными матерями были полностью открытыми; *приёмные отцы в большинстве своем несли мало ответственности за организацию контактов*. Как только усыновлённые дети становились старше, их кровным и приёмным родителям сообщалось, что подростки взяли на себя инициативу осуществления контактов и ответственность за их организацию, или что они могут взять ответственность за контакты в будущем [23].

В. Изменения в открытости при переходе от среднего детства к подростковому возрасту. Изменения в композиции открытости усыновления происходили после размещения детей в приёмной семье ещё до первого этапа сбора данных. В частности, почти две трети семей, которые считались полностью открытыми, уже на первом этапе исследования начали рассматриваться как семьи с опосредованным (51%) или конфиденциальным (15%) уровнем открытости усыновления. Во многих из этих случаев доверие и взаимное уважение устанавливались между приёмными и кровными родителями постепенно, до тех пор, пока они не принимали решения делиться друг с другом значимой в вопросе усыновления информацией [32].

В период между первым и вторым этапами исследования паттерн стабильности в открытости был аналогичен для приёмных и кровных семей. В большинстве случаев уровень открытости остался в тех же пределах (71.2% приёмных семей и 78.7% кровных матерей). В меньших и примерно равных пропорциях уровень открытости изменился (увеличился у 14.7% приёмных семей и 10.2% кровных матерей и уменьшился у 14.1% приёмных семей и 11.0% кровных матерей). Относительно малое количество полностью открытых приёмных семей прекратили контакты с кровными родителями усыновлённых детей между первой и второй волной исследования (13.2% приёмных семей и ни одной кровной матери). Среди приёмных семей с опосредованной формой замещающей заботы 18 остались в тех же этих отношениях, 17 – прекратили контакты, 15 – “выросли” до полной открытости⁶. Среди

⁴ Понятие “композиция открытости усыновления” следует понимать здесь в динамическом ключе, как “механизм” или “устройство” (ср. англ. “arrangements”).

⁵ Открытость усыновления обозначает здесь не только открытость этого события для других людей; важно, что в этой терминологии *контакт* приёмного ребёнка и *приёмной семьи* в целом с *кровной семьёй* рассматривается со стороны *приёмной семьи*; опосредованный механизм усыновления означает, что контакт происходит через посредника – приёмное агентство.

⁶ Это важное дополнительное различие остановленных и продолженных опосредованных практик замещающего ухода появилось в связи с лонгитюдностью исследования.

кровных матерей 21 – продолжили контакты, 14 – прекратили их, и 9 – “выросли” до полной открытости. Большинство случаев, которые были классифицированы в качестве конфиденциальных на первой волне исследования, остались конфиденциальными во время второй волны (89.5% приёмных семей и 91.2% кровных матерей). Несмотря на относительную стабильность в уровне открытости, особенно в конфиденциальных и полностью открытых категориях, у многих кровных матерей, как и в приёмных семьях, произошли изменения в частоте, типах контактов или вовлечённости в них.

Когда все изменения были приняты во внимание (включая уровень открытости и изменения в типе контактов, их частоте и личной вовлечённости), оказалось, что у 90% кровных матерей в течение 8-летнего периода изменилась композиция открытости усыновления. Причин изменений было обнаружено много (их анализ см. в: [39]). В опосредованных усыновлениях (т.е. тех, в которых осуществлялись контакты через посредника – агентство по усыновлению) обнаружились особые сложности в коммуникации, потому что в них требовалось постоянное присутствие надёжных сотрудников агентства для поддержания коммуникации в надлежащей форме.

В случаях, когда не было обнаружено уменьшения уровня открытости в сетях приёмного родства, кровные матери и приёмные родители, как правило, уделяли недостаточно внимания тому, кто инициировал прекращение контактов, и различались в понимании причин прекращения контакта [29].

Г. Управление и удовлетворённость контактами внутри сетей приёмного родства. Управление контактом при открытом усыновлении представляет собой сложное взаимодействие, по типу игры, танца, в котором роли и потребности участников меняются со временем, влияя на всю сеть приёмного родства в целом [34]. В нём нет единого паттерна. Сеть приёмного родства контактирует с помощью различных средств, контакт происходит между различными людьми, с разной скоростью и степенью интереса. Успешность отношений в таких сложных семейных ситуациях зависит от гибкости участников, навыков коммуникации и обязательств в отношениях.

В исследовании была установлена динамичность отношений членов сетей приёмного родства, вовлечённых в постоянный контакт: эти отношения должны были пересматриваться, и о них следовало много раз договариваться в течение долгого времени. В начале замещающего ухода

встречи были особенно важны для кровных матерей, которые были обеспокоены тем, сделали ли они правильный выбор, будет ли их ребёнок в безопасности и являются ли приёмные родители хорошими людьми. Через некоторое время интерес кровных матерей к контактам иногда ослабевал, особенно когда они были уверены, что их ребёнок преуспевал и чувствовал себя хорошо в приёмной семье. С течением времени многие кровные матери завязали новые романтические отношения и иногда охладевали к отношениям с приёмной семьёй. В соответствии с данными, полученными от приёмных родителей, способность кровных матерей предоставлять информацию, когда она требуется, не всегда соответствовала срокам запроса [61]. *Приёмные родители, как правило, становятся более заинтересованными в контактах, если их роль как родителей оказывается для них более безопасной.* Когда дети становились старше и понимали значение замещающей заботы (см.: [18]), их вопросы, как правило, оказывали давление на приёмных родителей, заставляя их искать больше информации или контактов с кровной семьёй [59, 60].

На первом этапе исследования удовлетворённость детей контактами практически одинакова на разных уровнях открытости. Однако во втором этапе подростки, которые имели контакты с кровными матерями, сообщили о более высокой степени удовлетворённости уровнями открытости их усыновления и интенсивностью своих контактов с кровными матерями, чем подростки, которые не имели контактов. В целом удовлетворённость, связанная с открытостью замещающей заботы, была ниже в среднем подростковом возрасте (14–16 лет), чем в раннем (12–13 лет) или в конце подросткового возраста (17–20 лет)⁷ [48].

Подростки по-разному описывали причины своей удовлетворённости при вступлении или отказе от контактов [15]. Подростки, которые имели контакт и выражали удовлетворённость им (45.5% от выборки) заявляли, что *контакт предоставил им возможность для появления отношений, обеспечивающих для них дополнительную поддержку.* Они также сообщили о том, что их кровные матери положительно влияют на них, что этот контакт помог им лучше понять, кто они есть, и сделал

⁷ Следует заметить, что перевод возрастов (в частности, ранний, средний и поздний подростковый, а также других возрастов в некоторых местах работы ранее и далее) в данном случае условен, так как не совпадают отечественные и зарубежные особенности конструирования (включая и базу этого дискурсивного производства – собственно сами практики жизнедеятельности подростков (с содержательной, и длительной сторон)) этого психологического понятия.

их заинтересованными в общении с другими членами кровной семьи, такими как их родные братья и сёстры. Подростки, имевшие контакт, но не выразившие удовлетворения (16.3% выборки), как правило, хотели большей интенсивности в отношениях, чем имели в настоящее время, но не были в состоянии этого осуществить. Они чувствовали, что *могли бы иметь хорошие отношения как с приёмными, так и с кровными родителями и что они не должны выбирать или предпочитать одних другим*. Подростки, не имевшие контакта, и у которых, соответственно, отсутствовало удовлетворение контактом (17.1%), чувствовали, что замещающая забота не была важной частью их жизни. Они не считают, что им необходимо было иметь контакт, иногда выражая обеспокоенность, что контакт мог оказаться для них плохим опытом. Они чувствовали, что им было лучше в приёмных семьях, чем в кровных семьях. Наконец, *подростки, не имевшие контакта с кровными родителями, но недовольные этим* (21.1%) иногда желали его, но не могли осуществить. Они также испытывали некоторые негативные чувства по отношению к своим кровным матерям, предполагая, что последние не приложили усилий для того, чтобы периодические контакты между ними происходили. Некоторые беспокоились о том, что контакт или его поиски могут принести вред приёмным родителям либо их кровной матери. В целом результаты второй волны исследования показали, что приёмные подростки, имевшие контакты с кровными родителями, были удовлетворены ими и хотели бы увеличения частоты общения; те же, у кого не было контактов, хотели, чтобы они происходили, но также переживали некоторое беспокойство или негативные чувства, которые не основывались на реальном взаимодействии с кровными родственниками [45, с. 35].

Из 127 кровных матерей, опрошенных во время второй волны исследования, около половины были подростками во время размещения их детей в приёмной семье, другая половина – взрослыми. Последние были более удовлетворены, чем первые, своей текущей композицией открытости усыновления. Во второй волне исследований кровные матери, которые были старше подросткового возраста на момент размещения детей в приёмной семье, в большей степени чувствовали близость к приёмной матери ребёнка, чем матери, которые были моложе к моменту его размещения в приёмной семье. Большинство кровных матерей сообщили об удовлетворительных или положительных чувствах, связанных с их отношениями с приёмными матерями и отцами детей. В то же время *большинство кровных матерей указали,*

что у них было, по крайней мере, некоторое беспокойство, связанное с тем, что своими контактами (потенциальными или реальными) они могут помешать функционированию приёмной семьи или самим подросткам. Почти 20% были “очень обеспокоены” этой проблемой, и как показало исследование, эти “очень обеспокоенные” кровные матери испытывали значительно больший стресс, чем не обеспокоенные [46].

По результатам второй волны исследования удовлетворение сложившимися отношениями между кровной и приёмной семьёй было связано с уровнем открытости: *кровные матери при полностью открытых усыновлениях были значительно более удовлетворены своей ролью в отношениях с принятыми подростками, чем при конфиденциальных или остановленных (прерванных) опосредованных композициях открытости усыновлений*. Кроме того, такие матери в целом выразили большее удовлетворение, чем кровные матери при конфиденциальной или опосредованной композиции открытости усыновлений. Кровные матери, которые были удовлетворены своей ролью в отношениях с отданными на замещающую заботу подростками, также сообщили о большей удовлетворённости своими отношениями как с приёмными матерями и отцами, так и с детьми. Кровные матери, удовлетворённые композицией открытости, были в большей степени удовлетворены своей ролью в отношениях с отданными на замещающую заботу подростками и приёмными родителями, а также той ролью, которую играли приёмные подростки в их жизни. Кровные матери, характеризующиеся при замещающем уходе стабильными контактами с подростками, ощущали значительно большую свободу в своей роли, чем характеризующиеся возрастанием контакта.

Большая часть кровных матерей (78.7%) осталась в той же категории открытости при переходе от первой волны исследования ко второй. *Кровные матери, не испытывавшие никаких изменений в уровне открытости, выразили большую удовлетворённость открытостью, чем те, кто испытывал её значительное увеличение или уменьшение*.

Приёмные родители были более удовлетворены, когда кровные матери уважали границы их семьи и позволяли приёмной семье инициировать большинство контактов [23].

Д. Коммуникация по поводу замещающей заботы, отношения между приёмной и кровной семьёй, а также между поколениями в приёмной семье. Коммуникация о замещающей заботе в семье – это процесс, который разворачивается в течение долгого времени, и приёмным родите-

лям лишь первоначально принадлежит ведущая роль, а роль детей по мере их взросления всё более возрастает. Можно выделить *фазы развития процесса семейной коммуникации по поводу усыновления*: первая, в которой приёмные родители обеспечивают своих детей информацией, не запрашиваемой у кровных родителей; вторая, в которой родители реагируют на любопытство своих детей, отвечая раскрытием или утаиванием информации; третья, в которой дети сами начинают искать информацию. Каждая фаза играет уникальную роль в развивающемся нарративе о замещающей заботе, предоставляя возможности для её осмысления и обеспечивая контекст, в котором отношения приёмных родителей и детей укрепляются или ослабевают [61].

Отношения между приёмной семьёй и кровной матерью были рассмотрены через призму двусмысленности границы, которая, как считается, усугубляет семейный стресс из-за того, что члены семьи не способны определить, кто находится внутри, а кто вне семейной системы [16]. Неоднозначность границы появляется тогда, когда член семьи физически отсутствует, но психологически присутствует, или наоборот. Фрэвел [24] рассмотрел психологическое присутствие кровной матери в приёмных семейных системах, и обнаружил, что *двусмысленность, неоднозначность границы практически неизбежна в приёмных семьях, но она проявляет себя по-разному в зависимости от уровня открытости*. Управление психологическим присутствием кровной матери также может варьировать в зависимости как от уровня открытости, так и от некоторых личностных характеристик и тенденций отношений приёмных родителей, таких как толерантность к неопределённости, двусмысленности [25; 24].

Были рассмотрены интервью кровных матерей в целях определения степени, в которой они чувствуют психологическое присутствие ребёнка, помещённого ими в приёмную семью. Существовала значимая взаимосвязь между степенью психологического присутствия и уровнем открытости замещающей заботы. Самые высокие уровни психологического присутствия были обнаружены при полной открытости замещающей заботы, после чего следовали опосредованные и конфиденциальные формы [26].

Анализ материалов, полученных во второй волне исследования, показал, что кровные матери в остановленных опосредованных усыновлениях/удочерениях имели значительно меньшую степень психологического присутствия, чем кровные матери, продолжавшие эту практику

опосредованно или полностью раскрыто. Результаты самоотчётов показали, что, в среднем, принятые в приёмную семью подростки имели психологическое присутствие кровных матерей примерно раз в месяц. Кровные матери в конфиденциальных усыновлениях/удочерениях имели значительно меньшую частоту психологического присутствия, чем матери в продолжавшихся опосредованных и полностью раскрытых практиках замещающей заботы; а кровные матери в остановленном опосредованном замещающем уходе имели значительно меньшую частоту психологического присутствия, чем те, которые продолжали эту практику опосредованно или полностью раскрыто. Кровные матери в конфиденциальных усыновлениях имели значительно меньшую интенсивность психологического присутствия, чем кровные матери в полностью раскрытом замещающем уходе.

Карен Шмид (1994) [54] рассмотрела отношения между приёмными бабушками и дедушками и их взрослыми детьми – приёмными родителями и восприятие первыми этого приёмного родительства. Это исследование фокусировалось на том, как приёмные бабушки и дедушки истолковывают чувства и родительские реакции своих детей (приёмных родителей) о замещающем уходе в целом и открытом усыновлении/удочерении в частности; как их отношения с детьми влияют на их нуклеарную семью; каковы последствия этих отношений для инициации и поддержания контакта между кровной и приёмной семьями. Большинство бабушек и дедушек мало участвовали в решении о принятии ребёнка, но, в общем, поддерживали их решения. Однако многие из них были насторожены выбором открытой формы общения с кровными родителями. В итоге *приёмным родителям пришлось вести переговоры (договариваться) об этих отношениях с ними (приёмными бабушками и дедушками для ребёнка)*, и в то же время приёмные бабушки и дедушки устанавливали родственные связи с новым ребёнком своих детей и его кровными родителями.

2. Последствия проекта для усыновлённых детей и подростков. *А. Детское самоуважение и социально-психологические практики регуляции отношений с семьёй приёмного родства.* В первой волне исследования по методике Шкала самовосприятия Хартера для детей (*Harter's Self-Perception Scale for Children*) проводилось измерение самоуважения для всех детей старше 7.5 лет. В данной группе результаты по данной шкале были в пределах нормы. Оказалось, что у *приёмных детей средние уровни само-*

уважения не зависели от уровня открытости усыновления [57].

Результаты первой волны исследования показали, что отмечавшиеся изменения приспособления/адаптации⁸ усыновлённых детей были связаны с их приёмными семьями, связями в сети приёмного родства, членами которой они являлись. Измерения с помощью опросника Детского адаптивного поведения (*Child Adaptive Behavior Inventory*), которые проводились в ходе беседы с родителями (а не детьми), показали, что, с точки зрения родителей, не существовало никакой связи между уровнем открытости и детским социоэмоциональным приспособлением [32]. Последующая аналитическая работа была сфокусирована на семейных процессах, направляющих приспособление, к которым относились: признание различий, совместимость, родительское чувство правоты и родительская компетентность. В ходе аналитической работы, проведённой на первом этапе исследования, сильным предиктором проблематичных результатов приспособления (интернализации и экстернализации) в среднем детстве было родительское восприятие несовместимости ребёнка с семьёй [53].

Приспособление приёмного ребёнка, вступающего в контакт с членами кровной семьи, было связано не только с качествами отношений в приёмной семье, но и с сотрудничеством (кооперацией) в отношениях между приёмными родителями и членами кровной семьи. *Сотрудничество в отношениях – это свойство, появляющееся в сетях приёмного родства, характеризующее способность приёмных и кровных родителей эффективно совместно работать ради благополучия ребёнка. Оно включает в себя совместное использование способов установления и осуществления контактов, основанных на взаимном уважении, эмпатии и оценке отношений. Высшие степени сотрудничества, совместности в сетях приёмного родства были связаны с лучшей адаптацией во время среднего детства* [36].

Проанализировав лонгитюдный срез, исследователи обнаружили, что повышение уровня

воспринимаемой совместимости⁹ происходит в период от среднего детства к подростковому возрасту, что было связано с более высокой степенью психосоциального включения¹⁰, привязанности к родителям, а также уменьшением проблемного поведения. Результаты исследования были сравнимы у подростков мужского и женского пола, а в изменениях паттернов совместимости не было обнаружено существенных различий между данными, полученными от отцов и матерей [38].

В среднем, *выборка приёмных подростков не отличалась по уровню приспособления от общенациональных американских норм, установленных в ходе высоковалидизированных измерений. Кроме того, уровень открытости сам по себе не был основным предиктором приспособления по результатам как первой [32], так и второй волны исследования [56]. Тем не менее, сотрудничество и восприятие качеств отношений (в частности, воспринятая совместимость) определяли приспособление на всех уровнях открытости.*

Б. Любопытство по поводу родительской семьи, её поиск и последующее формирование приёмной идентичности. Важным аспектом исследования стало то, учитывалось ли мнение детей и подростков, участвовавших в исследовании. Например, в первой волне исследования дети интересовались своими кровными семьями; отчёты детей об их интересе к приёмным родителям не зависели от уровня открытости [57]. Интервью с подростками во второй волне исследования внесли свой вклад в понимание процесса поиска кровных родителей (см.: [35]). *Исследователи предлагают рассматривать принятие решения о поиске кровных родственников как часть процесса нормативного развития приёмных подростков и юных взрослых. Это не означает, что каждый приёмный ребенок будет искать своих кровных родителей, братьев, сестёр, свои корни*

⁹ Следует различать совместимость и воспринимаемую совместимость – это различие важно с точки зрения исследований т.н. воспринимаемой, индивидуальной, дифференцирующей среды (Р. Пломин, Р. Мооз и др.), и в частности с позиции теории восприятия различных психологических аспектов жизненной среды, разработанной ещё в начале 1970-х гг. Р. Моозом в рамках социально-экологического подхода [1]. Воспринимаемые приёмными родителями совместимость и несовместимость ребёнка с семьёй – это субъективные оценки системы отношений ребёнка с семьёй, “профильтрованные” сквозь жизненный опыт и переживания приёмных родителей.

¹⁰ Под ним понимается активное использование подростками внутренних ресурсов для позитивного взаимодействия с другими членами семьи, сверстниками и окружающими сообществами.

⁸ В данном случае понятие приспособление, адаптация (англ. *adjustment*) не следует понимать в обычном для отечественного социального и психологического дискурса смысле некоего индивидуального процесса; скорее это процесс определённой “регулировки” (настройки/урегулирования/корректирования) отношений ребёнка со своим семейным окружением. И в этом смысле это процесс изменения системы отношений приёмного ребёнка с его широко понимаемым семейным окружением – сетью приёмного родства, опосредуемый различными медиаторами восприятия этих отношений.

и т.п., но означает, что они должны рассмотреть саму возможность принять решение, искать ли им свою кровную семью, становиться ли её частью¹¹. Интерес к кровным родителям и сильное желание встретиться с ними не отрицает и не обесценивает положительные взгляды и мнения подростков об их приёмной семье.

Приёмная молодежь сталкивается с проблемой создания значений и осмысления своего происхождения, которое может быть неизвестным, неясным или неоднозначным. Создание значения (см., напр.: [40; 41]) включает в себя построение истории о самом себе, в которой делаются попытки дать ответы на многие вопросы, такие как: откуда я взялся? Кем были мои родители? Почему я был принят в другую семью? Думают ли кровные родители обо мне сейчас? Есть ли у меня братья и сёстры? Что означает принятие/замещающая забота (приёмность) в моей жизни? Создаваемые в ходе ответов на эти и подобные им вопросы жизненные истории, или нарративы, помогают подросткам осмыслить прошлое, понять себя в настоящем и спроектировать будущее [28]. Построение таких нарративов – это во многом развитие приёмной идентичности, разворачивание ответа на вопрос: “Кто я как приёмный ребенок?” [29, 33]. Это часть более обширного процесса развития идентичности, широко признанная в качестве важной задачи подросткового возраста, которая закладывает основание для дальнейшего психосоциального развития человека и превращения его во взрослую личность [6].

Нарративный подход, применяемый в проекте MTARP к идентичности, подчёркивает интеграцию и согласование Я через оценивание структуры, содержания и функций нарратива (см., напр.: [2, 3, 44, 49]). С этой точки зрения подросток рассматривается как создающий и пересоздающий жизненную историю, которая порождает смысл и придёт цель приёмному опыту человека.

Процесс развития приёмной идентичности может включать период, во время которого вопросы приёмности являются особенно важными и подразумевают интенсивную рефлекссию, борьбу чувств и эмоций, а иногда и озабоченность

приёмностью со стороны подростков [21]. И когда это происходит, это может сопровождаться временным эмоциональным “выходом” подростка из приёмной семьи. В среднем уровень озабоченности девушек в связи с приёмностью (измеренный опросником Динамика замещающей заботы (*Adoption Dynamics Questionnaire*)) был выше, чем у юношей [42]. Различия в степени озабоченности в связи с приёмностью не были связаны с уровнем открытости у приёмных подростков.

Приёмная идентичность, понятая как ощущение себя приёмным человеком, появляется в подростковом возрасте и связана с качествами отношений в семье подростка. Исследователям показались очевидными четыре различных паттерна (модели) приёмных идентичностей в подростковом возрасте [22; 30, с. 757–758; 13, с. 871–872].

В первую группу (неизведанной (*unexplored*) приёмной идентичности) попали подростки, среди которых преимущественно встречались лица мужского пола, предпринимали мало или совсем не предпринимали действий, направленных на изучение своей приёмности. Последняя не была рельефной, в частности – эмоционально, и оказывала слабое влияние на то, что с ней связано. Например, один подросток заявил: “Из-за того, что я чувствую, что всё кончено и из-за того, что я счастлив там, где я есть сейчас [в приёмной семье], именно поэтому я не хочу связываться с этой другой стороной [кровной семьёй]”. Другой отметил, что “я действительно не думаю о приёмности, это настолько просто, что я даже, вероятно, не понимаю, кто я”.

Во вторую группу (ограниченной приёмной идентичности) попали подростки обоих полов, в достаточно слабой степени осваивающие идею приёмности; они не переживали её как нечто важное в своей жизни. Как отметила одна девушка: “Иногда это важно для меня, иногда нет”.

У подростков из третьей группы, преимущественно состоявшей из лиц женского пола, с неустроенной приёмной идентичностью, были согласованные и интегрированные нарративы, отмеченные хорошо исследованной приёмной идентичностью, хорошо представленной (рельефной) и сильно негативно влияющей. В этом паттерне нашли прибежище чувства отверженности и злости. Один подросток отметил: “Моя мама (приёмная) и я не очень близки, и я знаю что это (приёмность) тому причина. Я имею в виду, что я уверен, что если бы я жил с моей настоящей мамой, мы были бы гораздо ближе, мы бы говорили об этом, а так [как у меня] – это очень тяжело,

¹¹ Следует также отметить, что для родных детей, живущих в кровных семьях, могут вставать схожие вопросы – не приёмный ли я? Мои родители – это мои настоящие родители? Отвечая на эти и подобные им вопросы, человек не только устанавливает и определяет собственную идентичность; это также часть человеческой саморефлексии, содержащая возможности для осмысления отношений с родными людьми, а также практик и переживания доверия.

потому что все мои друзья могут поговорить со своими мамами”.

Наконец, у подростков, демонстрировавших *интегрированную приёмную идентичность*, были согласованные, интегрированные нарративы, в которых приёмная идентичность была представлена очень рельефно и позитивно. Например, один подросток сказал: “Когда я был маленьким, я был озабочен своим размещением [в приёмной семье], потому что она [кровная мать] не хотела быть со мной. Сейчас я знаю, что я был помещён [в приёмную семью], потому что она позаботилась достаточно”. В сравнении с другими участниками исследования, состав этой группы преимущественно состоял из лиц женского пола, причём наиболее старших в выборке подростков.

Паттерны (модели) приёмной идентичности сильно различаются у подростков, хотя *в целом наиболее позитивно разрешаемые паттерны были обнаружены среди более старших подростков, чем среди более молодых*. Различия в приёмной идентичности или степени озабоченности замещающим уходом (приёмностью) не были связаны с уровнем открытости приёмных подростков [21, 22]. Однако различия в озабоченности приёмностью были связаны с групповой идентичностью. *Озабоченность приёмностью оказалась значимо выше у подростков с неустроенным и интегрированным типами, чем у подростков с неизведанным типом идентичности* [21].

3. Последствия проекта для кровных матерей. Результаты обработки данных первой волны исследования показали, что кровные матери в остановленных опосредованных усыновлениях характеризовались высокой степенью нерешённой, связанной с замещающей заботой, печали и потери [19]. В первой и второй волнах исследования *кровные матери из полностью раскрытых усыновлений имели более низкий уровень горя и потери, связанного с принятием, чем кровные матери из полностью закрытых усыновлений*. Не было обнаружено никаких значимых различий по влиянию уровня открытости усыновления на сожаления кровных матерей о решении разместить их ребёнка в приёмную семью. Вместе с тем, *когда кровные матери контролировали уровень открытости, их удовлетворённость открытостью увеличивалась, а общий уровень печали уменьшался*.

Между первой и второй волнами исследовательского проекта 49 (39.2%) кровных матерей имели контакт с кровными отцами приёмных детей. Во второй волне исследования было по-

лучено больше сообщений кровных матерей о негативных или очень негативных чувствах, связанных с кровными отцами, чем сообщений о позитивных и очень позитивных чувствах по отношению к ним; небольшое число кровных матерей сообщили о нейтральных или амбивалентных чувствах.

В ходе второй волны исследования большинство кровных матерей указали, что размещение ребёнка в приёмной семье не влияет или влияет позитивно на их отношения с мужчинами, являющимися в настоящее время их гражданским или юридическим супругом. Большинство романтических партнёров кровных матерей не были непосредственно вовлечены в контакт с приёмной семьёй или приёмным ребёнком. Однако даже когда уровень открытости находился под контролем кровных матерей, чьи партнёры имели более высокий уровень участия в усыновлении, они были в среднем более удовлетворены, чем те матери, партнёры которых в меньшей степени участвовали в усыновлении [46].

Говоря про особенности адаптации кровных матерей к ситуации жизни без ребёнка, отданного в приёмную семью, следует отметить, что *показатели их психического здоровья, изученного с помощью методики “Краткий список симптомов” (Brief Symptom Inventory) во время второй волны исследования, не были связаны с уровнем открытости или частотой контактов*.

4. Последствия проекта для приёмных родителей. По результатам первой и второй волны исследования можно сказать, что *родители из полностью раскрытых усыновлений, по сравнению с родителями из конфиденциальных, оказались на более высоком уровне признания усыновления, проявили больше эмпатии к кровным родителям и ребёнку, сильнее заботились об их контакте, лучше общались с ребёнком, обсуждая усыновление, сильнее чувствовали постоянство в своих отношениях с ребёнком и меньше опасались, что кровные родители могут попытаться его вернуть*. Когда приёмные родители не были удовлетворены контактом приёмной и кровной семей, то это происходило почти всегда из-за того, что они *хотели, чтобы контактов было больше, но не могли это обеспечить* [35; 45, с. 21–22].

В целом для приёмных родителей результаты, полученные в проекте, важны как материал для развития их социально-психологической подкованности, а также могут быть учтены при планировании и на всех этапах создания приёмной семьи.

ИТОГИ, ОГРАНИЧЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОЕКТА

В ходе изучения результатов Миннесото-Техасского проекта исследований усыновления *не было обнаружено какого-либо вреда от контактов между приёмными и кровными семьями*. У детей из открытых усыновлений не уменьшилось самоуважение и не ухудшилось приспособление (адаптация) по сравнению с другими приёмными детьми. Приёмные родители из открытых усыновлений меньше боялись потерять приёмного ребёнка и чувствовали большую подконтрольность ситуации, чем приёмные родители из конфиденциальных усыновлений. Кровные матери в полностью открытых усыновлениях чувствовали меньше неразрешённой печали, чем кровные матери из конфиденциальных или опосредованных усыновлений [31, с. 133].

Несмотря на то, что, по всей видимости, не существует универсальной формы организации усыновления (так как каждая имеет особые требования, сталкивается с уникальными вызовами и предоставляет различные возможности для кровных и приёмных родителей и детей), тем не менее, *для взрослых, которые хотят открытого усыновления, такая его организация может оказаться продуктивной, однако сделает семейные отношения более сложными и увеличит потребности в коммуникации и гибкости* [32; 51; 45, с. 28].

Открытое усыновление, включающее общение кровных и приёмных родителей и детей, а также других членов этих семей, образующих вместе т.н. сеть приёмного родства, в целом *создает уникальную семейно-контролирующую и управляющую сетевую семейную организацию*, следящую за ростом и развитием ребёнка, в которой отношения с ребёнком – это повод сделать более осознанной позицию этих отношений.

Анализ данных, полученных в ходе первой и второй волн исследовательского проекта, всё ещё продолжается. Кроме того, начали появляться первые результаты третьей волны рассматриваемого проекта, который должен ответить на вопросы о том, что такое опыт приёмности для взрослеющих юношей и девушек и как этот уникальный опыт жизни в приёмных семьях с различными формами открытости будет участвовать в событиях их жизни, в частности, уже при создании семей самими приёмными юношами и девушками.

Миннесото-Техасский проект исследований усыновления, будучи задуманным и начатым ещё в 1980-х, охватил ряд ограничений, в частности,

все усыновления осуществлялись: а) по причине бездетности парой, состоявшей в браке; б) внутри страны (*domestic*), т.е. не были “межрасовыми”, международными и др.; в) начинались с младенчества. Из-за этих ограничений его результаты не могут быть обобщены и перенесены на все типы замещающего ухода, например на замещающую заботу для лиц со специальными потребностями [30, с. 757; 15, с. 1032; 45, с. 11].

Миннесото-Техасский проект исследований усыновления, как нам представляется, только открывает и намечает некоторые из вопросов, которые должны быть поставлены в ходе изучения организации процесса, его протекания и результатов приёма/замещающей заботы детей. Значительно большее число этих вопросов ещё даже не сформулировано, и связано это в частности с тем, что, отвечая на вопросы о приёмных детях и процессе приёма, мы, как исследователи, кое-что узнаём о самих себе, организации наших сообществ и процессах, которые в них протекают. На этом основании возможно и необходимо осуществлять обновление практики приёма/усыновления детей и организации замещающего ухода за ними, которая состоит не только в поиске семей для детей, которые не могут вырасти в своих кровных семьях или поиске детей для тех, кто хочет быть родителем, но которая встроена в сложную сеть экономических, политических и социокультурных процессов и отражает их динамику. В ходе изучения этой практики можно наблюдать изменения в понимании и определении: семьи и её членов; распределении ответственностей между различными ухаживающими за ребёнком субъектами; коммуникаций, происходящих между всеми участвующими сторонами, влияющими на их изменения, в особенности на становление приёмного ребёнка, его взросление и др.

Рассмотренный проект ставит многие вопросы относительно различных форм организации приёмных семей и пытается найти ответы на них, а также участвует в изменении практики жизнедеятельности приёмных семей и дискурсов об этих семьях и коммуникации, осуществляемой внутри расширенных приёмных семей. Однако при всех его достоинствах он всё же в некоторой степени, в частности, по полученным в его рамках результатам, а также по самим практикам приёма и усыновления – локальное “изобретение”, ставшее возможным в социокультурной и экономико-политической ситуации современных США и нуждающееся в дальнейшем анализе и рефлексии, после которых только и возможно какое-либо осмысленное использование данного опыта, например, в отечественных условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барский Ф.И. Наследственные и средовые факторы в восприятии семьи подростками: Дисс. ... канд. психол.н. М., 2010.
2. Барский Ф.И., Гришук А.Г. "Интервью о жизненной истории" Д. Макадамса как метод исследования нарративной идентичности // Психологическая диагностика. 2008. № 5. С. 3–48.
3. Макадамс Д.П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 3. С. 135–166.
4. Ослон В.Н. Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья. М.: Генезис, 2006.
5. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Библихина. СПб.: Наука, 2006.
6. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / Под ред. А.В. Толстых. М.: Флинта, МПСИ: Прогресс, 2006.
7. Ямпольский М. Демон и Лабиринт. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
8. Adopting in Massachusetts. (2000). Massachusetts: University of Massachusetts, 2000.
9. Aquilino W.S. From adolescent to young adult: A prospective study of parent-child relations during the transition to adulthood // Journal of Marriage & the Family. 1997. № 59 (3). P. 670–686.
10. Aquilino W.S. Family relationships and support systems in emerging adulthood. // Arnett J.J. Emerging adults in America: Coming of age in the 21st century / Ed. by J.L. Tanner. Washington, DC: American Psychological Association, 2006. P. 193–217.
11. Arnett J.J. Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties // American Psychologist. 2000. № 55 (5). P. 469–480.
12. Arnett J.J. Emerging adulthood: Understanding the new way of coming of age. // Arnett J.J. Emerging adults in America: Coming of age in the 21st century / Ed. by J.L. Tanner. Washington, DC: American Psychological Association, 2006. P. 3–19.
13. Baden A.L., Wiley M.O. Counseling Adopted Persons in Adulthood: Integrating Practice and Research // The Counseling Psychologist. 2007. № 35. P. 868–901.
14. Baran A., Pannor R. Open adoption. // Brodzinsky D. The psychology of adoption / Ed. by M. Schechter. NY: Oxford University Press, 1990. P. 316–331.
15. Berge J.M., Mendenhall T.J., Wrobel G.M. et al. Adolescents' feelings about openness in adoption: Implications for adoption agencies // Child Welfare. 2006. № 85. P. 1011–1039.
16. Boss P.G. Family stress management. Newbury Park CA: Sage Publications, 1988.
17. Brodzinsky D.M. Family structural openness and communication openness as predictors in the adjustment of adopted children // Adoption Quarterly. 2006. № 9. P. 1–18.
18. Brodzinsky D.M., Singer L.M., Braff A.M. Children's understanding of adoption // Child development. 1984. № 55. P. 869–878.
19. Christian C.L., McRoy R.G., Grotevant H.D., Bryant C. Grief resolution of birthmothers in confidential, time-limited mediated, ongoing mediated, and fully disclosed adoptions // Adoption Quarterly. 1997. № 1 (2). P. 35–58.
20. Curtis P. The dialectics of open versus closed adoption of infants // Child Welfare. 1986. № 65. P. 437–445.
21. Dunbar N. Typologies of adolescent adoptive identity: The influence of family context and relationships. Unpublished doctoral dissertation. University of Minnesota, 2003.
22. Dunbar N., Grotevant H.D. Adoption narratives: The construction of adoptive identity during adolescence // M.W. Pratt Family stories and the life course: Across time and generations. / Ed. by B.H. Fiese. Mahwah, NJ: Erlbaum. 2004. P. 135–161.
23. Dunbar N.D., van Dulmen M.H.M., Ayers-Lopez S. et al. Openness Changes in Adoptive Kinship Network Connections // Dunbar N.D., Kholer J.K., M.H.M. van Dulmen (Chairs). An integrative approach to understanding development and maintenance of relationships within the adoptive kinship network. The annual meetings of the National Council on Family Relations. Minneapolis, 2000
24. Fravel D.L. Boundary ambiguity perceptions of adoptive parents experiencing various levels of openness in adoption. Unpublished doctoral dissertation. University of Minnesota, 1995.
25. Fravel D.L., Grotevant H.D., Boss P.G., McRoy R.G. Boundary ambiguity across levels of openness in adoption // Proceedings of the Theory Construction and Research Methodology Workshop of the National Council on Family Relations / Ed. by M. Crosbie-Burnett. New Orleans, LA, 1993.
26. Fravel D.L., McRoy R.G., Grotevant H.D. Birthmother perceptions of the psychologically present adopted child: Adoption openness and boundary ambiguity // Family Relations. 2000. № 49. P. 425–433.
27. Grotevant G.D., McRoy R.G. The Minnesota/Texas Adoption Research Project: Implications of Openness in Adoption for Development and Relationships // Applied Developmental Science. 1997. № 1(4). P. 168–186.
28. Grotevant H.D. The integrative nature of identity: Bringing the soloists to sing in the choir // Discussions on ego identity / Ed. by J. Kroger. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1993. P. 121–146.
29. Grotevant H.D. Coming to terms with adoption: The construction of identity from adolescence into adulthood // Adoption Quarterly. 1997. № 1 (1). P. 3–27.

30. *Grotevant H.D.* Counseling Psychology Meets the Complex World of Adoption // *The Counseling Psychologist*. 2003. № 31 (6). P. 753–762.
31. *Grotevant H.D.* Openness in adoption: re-thinking “family” in the US // *Reproductive disruptions: gender, technology, and biopolitics in the new millennium* / Ed. by C. Marcia Inhorn. NY: Berghahn books, 2007. P. 122–144.
32. *Grotevant H.D., McRoy R.G.* Openness in Adoption: Exploring Family Connections. Thousand Oaks. CA: Sage, 1998.
33. *Grotevant H.D., Dunbar N., Kohler J.K., Esau A.L.* Adoptive identity: How contexts within and beyond the family shape developmental pathways // *Family Relations*. 2000. № 49. P. 379–387.
34. *Grotevant H.D., McRoy R.G., vanDulmen M.H.M.* The adoptive kinship network: Putting the perspectives together. Openness in adoption: Exploring family connection. / Ed. by H.D. Grotevant, R.G. McRoy. Thousand Oaks, CA: Sage, 1998.
35. *Grotevant H.D., McRoy R.G., Elde C., Fravel D.L.* Adoptive family system dynamics: Variations by level of openness in the adoption // *Family Process*. 1994. № 33. P. 125–146
36. *Grotevant H.D., Ross N.M., Marchel M.A., McRoy R.G.* Adaptive behavior in adopted children: Predictors from early risk, balance of relationships in the adoptive kinship network, and openness arrangements // *Journal of Adolescent Research*. 1999. № 14. P. 231–247.
37. *Grotevant H.D., Rueter M., Von Korff L., Gonzalez C.* Post-adoption contact, adoption communicative openness, and satisfaction with contact as predictors of externalizing behavior in adolescence and emerging adulthood // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2011. № 5 (52). P. 529–536.
38. *Grotevant H.D., Wrobel G.M., van Dulmen M.H., McRoy R.G.* The emergence of psychosocial engagement in adopted adolescents: The family as context over time // *Journal of Adolescent Research*. 2001. № 16. P. 469–490.
39. *Henney S., Ayers-Lopez S., McRoy R.G., Grotevant H.D.* A longitudinal perspective on changes in adoption openness: The birthmother story. // *Contact in adoption and permanent foster care: Research, theory, and practice* / Ed. by B. Neil, D. Howe. London: BAAF, 2004.
40. *Kegan R.* The Evolving Self: Problem and Process in Human Development. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1982.
41. *Klinger E.* The search for meaning in evolutionary perspective and its clinical implications // *The human quest for meaning: A handbook of psychological research and clinical applications* / Ed. by Wong P. T. P., Fry P. S. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1998. P. 27–50.
42. *Kohler J.K., Grotevant H.D., McRoy R.G.* Adopted adolescents’ preoccupation with adoption: Impact of adoptive family dynamics // *Journal of Marriage and the Family*. 2002. № 64. P. 93–104.
43. *Lapsley D.K., & Edgerton, J.* Separation-individuation, adult attachment style, and college adjustment // *Journal of Counseling & Development*. 2002. № 80 (4). P. 484–492.
44. *McAdams D.P.* A life-story model of identity // *Perspectives in personality* / Ed. by Jones H., Jones W.H. Greenwich, CT: JAI Press, 1987. P. 15–50.
45. *McRoy R.G.* Openness in Infant and Older Child Adoptions: Translating Research Findings into Practice. Presentation on the New Worlds of Adoption: Linking Research with Practice Conference, April 7, 2010. Boston: Boston College Graduate School of Social Work, 2010.
46. *McRoy R.G., Ayers-Lopez S., Henney S.M., Christian C., & Gossman G.* Adoption openness: Longitudinal Birth Mother Outcomes. Final Report for Office of Population Affairs, US Department of Health and Human Services. Austin, TX: University of Texas Center for Social Work Research, 2001.
47. *McRoy R.G., Grotevant H.D. & White K.L.* Openness in adoption: New practices, new issues. NY: Praeger, 1988.
48. *Mendenhall T.J., Berge J.M., Wrobel G.M., Grotevant H.D., McRoy R.G.* Adolescents’ satisfaction with contact in adoption // *Child and Adolescent Social Work Journal*. 2004. № 21. P. 175–190.
49. *Mishler E.G.* Storyline: Craftartists’ Narratives of Identity. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press. 1999.
50. *Musante D.S.* Family predictors of negative instability in adopted emerging adults. Unpublished masters thesis, University of Massachusetts, Amherst. 2010. V. I. P.81.
51. *Neil B., Howe D. (eds)* Contact in adoption and permanent foster care: Research, theory, and practice. London: BAAF, 2004.
52. *Reitz M., Watson K.W.* Adoption and the family system: Strategies for treatment. NY: Guilford, 1992.
53. *Ross N.M.* Adoptive family processes that predict adopted child behavior and self-esteem. Unpublished master’s thesis, University of Minnesota, 1995.
54. *Schmid K.* Intergenerational relationships in adoptive families: Adoptive parents’ interpretations. Unpublished doctoral dissertation. University of Minnesota, 1994.
55. *Silber K., Doner P.M.* Children of open adoptions. San Antonio, TX: Corona, 1990.
56. *Von Korff L.* Openness arrangements and psychological adjustment in adolescent adoptees. Unpublished masters thesis, University of Minnesota, 2004.
57. *Wrobel G., Ayers-Lopez S., Grotevant H.D., Mc Roy R.G., Friedrick M.* Openness in adoption

- and the level of child participation // Child Development. 1996. № 67. P. 2358–2374.
58. *Wrobel G.M., Grotevant H.D., McRoy R.G.* Adolescent search for birthparents: Who moves forward // Journal of Adolescent Research. 2004. № 19. P. 132–151.
59. *Wrobel G.M., Kohler J.K., Grotevant H.D., McRoy R.G.* Factors related to patterns of information exchange between adoptive parents and children in mediated adoptions // Journal of Applied Developmental Psychology. 1998. № 19. P. 641–657.
60. *Wrobel G.M., Kohler J.K., Grotevant H.D., McRoy R.G.* The family adoption communication model (FAC): Identifying pathways of adoption-related communication // Proceedings of the 29th Annual Theory Construction and Research Methodology Workshop of the National Council on Family Relations / Ed by M. Johnson LA, CA: NCFR, 1999.
61. *Wrobel G.M., Grotevant H.D., Berge, J., Mendenhall T.J., McRoy R.G.* Contact in adoption: The experience of adoptive families in the USA // Adoption and Fostering. 2003. № 27(1). P. 57–67.
62. *Zamosthy K.P., O'Brien K.M., Baden A.L., Wiley M.O.* The Practice of Adoption // The Counseling Psychologist. 2003. № 31. P. 651–678.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Описание выборки на всех волнах исследования MTARP [37; и др.]

	Пилотное исслед. 1985	I волна 1986–1992	II волна 1996–2001	III волна 2005–2008
Приёмные семьи, пар	17	190	177*	181*
Этническая принадлежность (самоопределение пар):				
Европейцы		177		
Латиноамериканцы		3		
Афроамериканцы		1		
Латиноамериканские и европейские		1		
Пары, не определившие сами, но определённые исследователями как европейские		8		
из них:				
Приёмные отцы:		190	162	134
Средний срок образования, лет		16.2		
Возраст (разброс/средняя/ст. отклоне- ние), лет		32–53 / 40.73/3.86		
Приёмные матери		190	173	151
Возраст (разброс/средняя/ст. отклоне- ние), лет		31–50 / 39.14/3.65		
Средний срок образования, лет		15.1		
Приёмные дети, подростки и юные взрослые (в соответствии с волной исследования)		171	156	169
Мужского пола			75	87
Женского пола			81	82
Возраст (разброс/средняя/ст. отклоне- ние), лет		4–12/7.81/2.14	11–20/15.73/2.08	20.77–30.34 / 24.95/1.88
Дополнительные участники исследования, в частности:				
Кровные матери:		169	127	
Возраст отдачи ребёнка (разброс/сред- няя), лет		14–36 / 19.1		
Возраст на момент исследования (раз- брос/средняя, лет)		21–43 / 27.1		
Средний срок образования, лет		13.5		

	Пилотное исслед. 1985	I волна 1986–1992	II волна 1996–2001	III волна 2005–2008
Этническая принадлежность (самоопределение):				
Европейцы		157		
Латиноамериканцы		4		
Коренные американцы		2		
Афроамериканцы		1		
Азиатские американцы		1		
Не определившиеся		4		
Сиблинги			88	
Близкие по отношениям партнёры юных приёмных взрослых				103
Общее количество участников, чел		720	706	557

Примечание: * в этих семьях был, по крайней мере, один участник из 190 приёмных семей первой волны исследования.

THE MINNESOTA/TEXAS ADOPTION RESEARCH PROJECT: ANALYTIC REVIEW

D.I. Osina*, M.P. Rekunchak**

**Post-graduate, Omsk State Pedagogical University, Omsk;*

***Researcher, Omsk*

The Minnesota / Texas adoption research project is analyzed: its history in the making of practice of substitute care in USA; research design, main results for adopted children and adolescents, blood mothers and adopting parents, and also with regard to relations inside adoptive kinship networks. Main ideas of the project are discussed and compared with domestic terminology.

Key words: practice of substitute care, confidentiality/openness of adoption, adoptive kinship network, adopting parents, blood relatives, adoptive identity.